

Θεοδώρα Γιαννίτση - Διδάκτωρ Ιστορικών Επιστημών, διευθύντρια Κέντρου Ελληνικού Πολιτισμού (Μόσχα) :

«Η αντιμετώπιση του ρωσικού στόλου κατά τη διάρκεια της εκστρατείας του Ναυάρχου Σεριάβιν στο Αρχιπέλαγος και την Αδριατική (1805-1807) από τον ελληνικό πληθυσμό. Ρωσία – φυσικός σύμμαχος των Ελλήνων»

Φеοδора Янници - кандидат исторических наук, директор Греческого культурного центра (Москва): **«Восприятие греческим населением российского флота во время экспедиция Д.Н. Сенявина в Адриатике и Архипелаге (1805-1807гг.)»¹**

На протяжении столетий судьбы русского и греческого народов тесно переплетались. Византия, принятие христианства на Руси, приглашение в Московию греческих ученых, богословов, иконописцев, создание в 1687 г. в Москве славо-греко-латинской академии, русско-турецкие войны XVIII столетия, в ходе которых греки активно поддерживали Россию, расселение греческого населения в основном на юге Российской империи, активное участие российской дипломатии в решении вопроса создания независимого греческого государства, – вот некоторые из важных век совместного исторического пути двух православных народов.

Дорогие друзья,

Сохранение исторической памяти – необходима каждой нации для того, чтобы познать свои корни, свое прошлое, понять свой вес во времени и в пространстве, сохранить свою идентичность, определиться со своими национальными ориентирами, составить свои приоритеты, свои цели и задачи. Обязательная составляющая исторической памяти – это знание своих естественных исторических союзников. Россия для греков всегда поступала

---

¹ Доклад подготовлен при поддержке РФНФ (грант № 10-01-00630а/Г «Общие страницы военно-морской истории России и Греции в XVII-XIX вв.»)

естественным союзником и сегодня, кажется, особенно актуально вспоминать и напоминать эту историческую действительность.

В рамках сегодняшнего сообщения мне бы хотелось коснуться личности российского адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, руководителя третьей архипелажской и средиземноморской экспедиции российской флота в 1805-1807 гг. Данное сообщение связано с двухлетней совместной научной российской-греческой программой, в которой с греческой стороны участвует Центр Греко-Российских Исторических Исследований (КЕРИЕ), а с российской стороны РГНФ и ГКЦ. Руководителем исследовательской группы с российской стороны является доктор исторических наук, почетный профессор университета Афин им. Каподистрия, Григорий Львович Арш

Даже краткое знакомство с биографией выдающегося русского флотоводца Д. Н. Сенявина указывает на богатство пройденного им жизненного пути, который включал и классическое восхождение по служебной лестнице талантливого молодого офицера, и минуты триумфа и славы опытного адмирала, и немилость власть предержащих по отношению к человеку твердых принципов и убеждений.

Сенявин родился в дворянской семье 6 августа 1763 г. в семье вице-адмирала Н. И. Сенявина, который в 1773-1775 гг. занимал должность военного губернатора Кронштадтского порта. Такое происхождение во многом предопределило его жизненный путь. В 1773-1777 гг. Дмитрий Николаевич учился в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге, по окончании которого в чине гардемарина служил на кораблях Балтийского флота.

В 1780-1781 гг. участвовал в экспедиции русской эскадры к берегам Португалии для поддержания вооружённого нейтралитета во время Войны за независимость США. В 1782 переведён на Азовскую флотилию, а в 1783 г. Сенявин был произведен в лейтенанты и назначен флаг-офицером контр-адмирала Мекензи, ведавшего вопросами строительства Севастопольского порта. В этой должности (с перерывами) Сенявин остается до 1786 г., после чего переходит в плавающий состав в качестве командира пакетбота "Карабут", поддерживавшего сношения с русским послом в Турции.

В русско-турецкую войну 1787-1791 гг. Сенявин командовал различными боевыми кораблями и принимал участие в крейсерских действиях. В ходе этой кампании Сенявин,

пожалуй, впервые проявил свои незаурядные флотоводческие способности во главе вверенных в его командование кораблей.

Во время Ионической кампании русского флота 1798-1800гг. Сенявин в чине капитана 1-го ранга командовал кораблём «Св. Петр» с приданными ему тремя другими кораблями и овладел в 1798 г. мощной французской крепостью Св. Мавры (Лефкада). Ушаков в своем личном донесении о взятии крепости дал самую положительную оценку действиям Сенявина. По окончании похода в 1800 г. Сенявин был назначен командиром Херсонского порта, а в 1803 г. – произведен в контр-адмиралы и стал командиром Севастопольского порта. В 1804-1805 гг. служил флотским начальником в Ревеле.

Пиком военной карьеры стал третий победоносный поход российского флота в Средиземноморье под командованием Сенявина в 1805-1807гг. В 1805 г. он был произведен в вице-адмиралы и в сентябре возглавил русскую эскадру из шести кораблей, посланную в Средиземное море для борьбы с французами. По прибытии на Корфу в январе вступил в командование всеми русскими морскими и сухопутными силами в Средиземноморье. Стремясь предотвратить захват Наполеоном I Греции и сохранить Ионические острова в качестве главной базы русского флота, Сенявин осуществил ряд наступательных операций на в Далмации и Черногории. После разрыва отношений между Россией и Османской империей (Русско-турецкая война 1806-1812 гг.) и начала военных действий в феврале 1807 г. Сенявин повел эскадру в Эгейское море. В марте он блокировал Дарданеллы, а затем нанес поражение турецкому флоту в Дарданелльском и Афонском сражениях. Попытки турок прорвать блокаду Стамбула оказались безуспешными, а русский флот установил контроль над Эгейским морем. Это заставило Порту в августе 1807 г. пойти на заключение Слободзейского перемирия с Россией.

После заключения Тильзитского мира 1807 г. Д. Н. Сенявин отправился на родину, хотя из-за начавшегося противостояния с Великобританией его эскадра оказалась в Риге лишь в 1809 г. По возвращении на родину в сентябре 1809 г. он попал в немилость к Александру I и в 1811 г. был переведен на должность командира Ревельского порта. Во время Отечественной войны 1812 года получил отказ на свою просьбу о зачислении в действующую армию, а в апреле 1813 г. был уволен в отставку.

Активное присутствие российского флота в Средиземном море предполагало очень активные контакты с местным населением, в том числе с греческим. Естественно, русская эскадра и русские войска воспринимались как освободители православного населения от многолетнего османского ига. Однако, как показывает опыт совсем недавних

«освободительных» войн, далеко не всегда местное население радо приходу своих «освободителей», действия которых зачастую попирают все принципы человеческой нравственности и морали. В таких случаях взаимоотношения с местным населением носят очень многогранный характер, однако многое зависит и от конкретных личностей и их человеческих качеств. В этом смысле, на наш взгляд, выбор России, а может быть, самой судьбы в лице Сенявина, оказался, на наш взгляд, на редкость удачным.

В связи с этим в рамках данного короткого сообщения хотелось бы остановиться именно на проблеме того, как личные качества Д. Н. Сенявина стали залогом успешной народной дипломатии, способствовавшей укреплению имиджа России в странах Балканского региона.

Наиболее красноречивые описания личных качеств Сенявина, пожалуй, можно найти у его подчиненных. В частности, воспоминания военных офицеров содержат немало указаний на поистине отеческую заботу адмирала о своей команде. Так, например, в *«Записках морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина» Владимир Броневский* описывает, что Сенявин всегда с огромным вниманием относился к раненым, причем *«все раненые по мере нужд и заслуг не остались без равного внимания»*.² В частности, когда сам Броневский получил ранение, адмирал не только проявил интерес к состоянию его здоровья, но и помог в разрешении материальных затруднений, лично оплатив услуги врача.

Не менее красочно о человеческих качествах российского адмирала свидетельствует и другое описание Броневского, которое отчетливо указывает на то, что даже в пылу ожесточенных баталий человек всегда оставался для Сенявина на первом месте. Так, после победоносного Афонского сражения в июне 1807 года Сенявин оказался перед выбором: либо гнаться за остатками турецкого флота и окончательно разгромить его, либо возвратиться на остров Тенедос и спасти оставшийся там гарнизон от неминуемого плена и жестокого обращения. Для Сенявина вопрос выбора не стоял: *«В сем случае Сенявин не усомнился пожертвовать славою и честолюбием личным спасению братии своих, оставленных и осажденных силою чрезмеру превосходною, о участи которых соболезнуя, доброе его сердце не могло чувствовать сладких ощущений победителя. Таковой выбор*

---

² Владимир Б. Броневский «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина от 1805 по 1810 год», Ч. 3, Спб., 1819г., стр. 131

*удивил всех тех, которые не могли быть подобно Сенявину, в торжестве умеренными, в славе скромными к истинной пользе отечества ревнительными».*³

В результате эскадра Сенявина представляла собой по-настоящему морское братство, где все был объединены единой целью, радовались успехам друг друга и вместе переживали неудачи. Вот как, например, **Павел Иванович Панафидин**, морской офицер и участник экспедиции, описывает военный праздник в день Крещения 6 января 1807 г.: *«Пили за здоровье сначала адмирала, как виновника всех успехов, потом отличившихся офицеров и солдат... Вот тебе описание военного праздника, в котором видна цель, чем адмирал Сенявин приобретал любовь своих подчиненных, желавших с такой ревностью отличия, что кроме монаршей награды они принимают, как дань справедливую, заслугу своих товарищей и их достойного начальника».*⁴ Причем все участники экспедиции с трудом могли себе представить продолжение похода без адмирала. Так, по воспоминаниям молодого российского дипломата Павла Свиньина, сопровождавшего эскадру, как-то раз, потеряв флагманский корабль из виду, остальные участники экспедиции стали сильно беспокоиться, а вновь увидев адмирала, едва ли могли скрыть свой восторг: *«Когда мы скрыли огни, то потеряв нас из виду, корабли не знали, куда Адмирал девался, встречая, спрашивали друг друга, были в смущении, в страхе, как вдруг опознавательный сигнал обрадовал всех несказанно»*⁵.

Вот как описывает Владимир Броневский тот же эпизод, когда, после Дарданельского сражения в мае 1807 года, российские матросы не сразу увидели на палубе адмиральтейского судна «Твердый» Дмитрия Николаевича Сенявина и Вице-Адмиральского флага: *«... Не могу описать общего при сем смущения. Я будучи при повторении сигналов, первой заметил сие и смотря в зрительную палубу, не видя на стеньге флага, воображал или лучше мне казалось, что оный развевает. Капитан, вахтенный Лейтенант и другие Офицеры, бывшие на палубе также смотрели, и ничего не видя бледнели и не смели спросить друг друга жив или убит Адмирал. Матрозы один за одним выходили на шканцы, смотрели, также боялись сообщить друг другу свои мысли, искали предлога сойти в палубу и там в печальном молчании клали земные поклоны у*

³ Владимир Б. Броневский «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина от 1805 по 1810 год», Ч. 3, Спб., 1819г., стр. **111-112**.

⁴ Павел Иванович Панафидин. «Письма морского офицера», стр. 225. - Морские сражения русского флота: Воспоминания, дневники, письма / Сост. В.Г. Оппоков. - М.: Воениздат, 1994.

⁵ Павел П. Свиньин: «Воспоминания на флоте». Ч. 2. Спб, 1819г., стр. 128.

образа. В таком расположении духа подошли мы под корму Твердого. Капитан наш вместо обыкновенного рапорта спросил: здоров ли Адмирал? нам отвечали слава Богу! Мы еще сомневались; но Дмитрий Николаевич показался в галлерей, в одно слово раздалось у нас на фрегате громкое радостное ура! Адмирал сделал знак, что хочет говорить, но матрозы не скоро могли умолкнуть и он поклонившись ушел.»⁶

Присутствие российского флота в Средиземноморье, по вполне естественным причинам, всколыхнуло греческое население на борьбу с Османским игом. Тем не менее Сенявин проявлял и большое дипломатическое чутье, и незаурядную политическую дальновидность, стремясь не подвергать греческое население слишком большим рискам, поскольку он прекрасно осознавал, что для освобождения греческого народа могут потребоваться еще многие годы. При этом и в отношении турецкого населения Греческого Архипелага Сенявин проявлял также человечность и исключительную терпимость. Вот как Броневский описывает пребывание русской эскадры на островах Идра и Спетсес: *«Прибытие российского флота в Архипелаг скоро сделалось известным. Начальники островов Идро, Специи и других ближайших с восторгом и редкою готовностью предложили свои услуги. (От островов Идро и Специи, на третий день прибытия нашего, 5 судов вооруженных от 18 до 26 пушек присоединились ко флоту). По взятии Тенедоса, со всех прочих островов, независимые Майноты, Сулиоты, а потом жители Мореи и древней Аттики, предложили собрать корпус войск; словом вся Греция воспрянула и готова была при помощи нашей освободиться от ига неволи; но Адмирал действуя осторожно отклонил сие усердие до времени, и даже Турок, поселившихся в Архипелаге, которые малым числом своим не могли вредить грекам, оставил покойными и сим избавил Христиан от ужасного мщения их жестоких властителей».*⁷

Своими действиями российские военные всячески старались выказать свое желание помочь греческому населению, даже когда мало что могли сделать. Броневский описывает, как на острове Самотраки российские военные, например, участвовали в строительстве храма, а российские врачи оказывали помощь представителям местного населения, раненым турками, которых местные врачи не могли вылечить из-за недостаточной квалификации.⁸ Российское военное командование в регионе во главе с Сенявиным способствовало и развитию местной торговли, одного из основных

⁶ Владимир Б. Броневский «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина от 1805 по 1810 год», Ч. 3, Спб., 1819г., стр. 62-63.

⁷ Владимир Б. Броневский «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина от 1805 по 1810 год», Ч. 3, Спб., 1819г., стр. 10-11.

⁸ Там же, стр. 72.

источников доходов для греческого населения. Так, Свиньин вспоминает, что незадолго до своего отправления с острова Корфу *«Сенявин получил благодарственного письма от старшин Греческого общества из Триеста, которым он, от лица всех купцов сей нации, приносили ему благодарность за мудрые его распоряжения справедливость в покровительстве их торговли»*⁹.

Действия российских военных по отношению к греческому населению зачастую представляли разительный контраст с поведением матросов и офицеров эскадр других стран. Так, по словам того же Броневского, на Корфу французские солдаты и офицеры в театрах, лавках и трактирах *«безчинничали и били греков без пощады»*¹⁰), поэтому вступление на остров французов и убытие российской армии в 1807 г. вызывало у местного населения самые грустные чувства: во время прибытия первого отряда французов им не было оказано жителями никакой почести, а все лавки и магазины были закрыты.

Народная дипломатия российских военных принесла свои плоды. Практически во всех местах, куда прибывала российская эскадра, ее радостно встречало греческое население. По воспоминаниям Броневского, в апреле 1807 г. на острове Имбро греки *«с радостью предложили, хотя не многое, но все, что они имели, не требуя платы...»*¹¹, а на острове Самосе, вскоре после Дарданельского сражения, *«толпа народа или лучшие весь город шел за нами. На площади у фонтана девицы.....оставляя свои кувшины, подносили нам букеты цветов»*¹².

В результате греки стали во многом отождествлять себя с Россией, а свою борьбу за независимость тесно связывать с походом Сенявина и присутствием российской эскадры в Средиземноморье. Свиньин так описывает реакцию жителей Идра на прибытие российского флота: *«Тотчас же присланы из города депутаты поздравить Адмирала с благополучным прибытием; между прочим они сказали: «все греки, в коих еще тлеется искра чести – готовы умереть за свободу и любовь к России»*¹³. Немало сходных описаний можно найти и у Броневского: *«В пылком усердии преданности своей к России, Греки снова и торжественно заклились, пролить за Русских последнюю каплю крови»*.¹⁴ Часть греков даже начинают воспринимать Россию как свою вторую родину. Так, по

⁸ Павел П. Свиньин: **«Воспоминания на флоте». Ч. 2. СПб, 1819г. , стр. 241**

¹⁰ Владимир Б. Броневский *«Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина от 1805 по 1810 год»*, Ч. 3, СПб. , 1819г., стр. 182.

¹¹ Там же, стр. 35.

¹² Там же, стр. 72.

¹³ Павел П. Свиньин: **«Воспоминания на флоте». Ч. 2. СПб, 1819г. , стр. 8.**

¹⁴ Владимир Б. Броневский *«Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина от 1805 по 1810 год»*, Ч. 3, СПб. , 1819г., стр. 124

воспоминаниям Броневского, по завершении Афонского сражения во время переговоров о мире с турками и подготовки возвращения российской эскадры на Корфу, греческое население Тенедоса разъехалось по островам, где нет турок (поскольку после осады турки порубили фруктовые деревья и истребили большую часть виноградников). Многие греки, при этом, «вступили в верноподданство и отправились в Корфу в ожидании удобного случая для переезда в Россию»¹⁵.

Однако наиболее ярким описанием итогов экспедиции в плане установления межличностных контактов между греческим и русским народами в ходе российской военной экспедиции Сенявина и роли самого адмирала в укреплении этих связей могут служить сцены прощания с русской эскадрой на острове Корфу. Вот как описывает происходившее Свиньин:

Нельзя было без умиления взирать на трогательное зрелище, поразившее нас, когда ... Адмирал пошел поклониться в последний раз благодетельствовавшим нам мощам Св. Спиридона. Не только улицы, но все окна, крыши домов покрыты были народом, кланяющимся и всеми образами приветствующим Сенявина. Толпа шла по следам нашим и дожидалась во все время прощального обеда нашего... Она провожала нас до самой пристани, которую нашли мы также покрытою народом. Все хотели проститься с Сенявиным, обнять его. Добрые, признательные греки на сию минуту забыли горящую им опасность и в излиянии сердец своих показали, сколь они почитают обязанными Адмиралу за счастье и свободу, коими они наслаждались во все время его начальствования. Сенявин не мог быть равнодушен, слезы покрыли гордые ланиты его – я плакал как ребенок. В первый раз полюбил я всю душою Корфиотов; в первый раз почувствовал, что мне жаль расстаться с ними, как с ближними родственниками.

С немалым также удовольствием видел я печаль жителей при расставании с солдатами нашими. Они прощались как друзья, плакали, уверяли друг друга в дружбе, в признательности и несмотря на то, что объяснялись на едва понятном диалекте, наши на худом итальянском и греческом, а корфиоты - на плохом русском, но разговоры их право были красноречивы. Не делает ли

---

¹⁵ Там же, стр. 168-169.

*сие большой чести нашим воинам? Покорять сердца важнее и славнее, чем покорять государства.*¹⁶.

Весьма сходное описание, полное самых теплых чувств и эмоций, мы находим и у Броневского:

*Прощанье жителей с нашими солдатами, искреннее свидетельствовало народной к нам любви, ни какое перо описать не может. Когда войска остановились у церкви Св. Спиридония для принятия благословения в путь, духовенство от всех церквей в черном облачении вышло с крестами и святою водою. Протопоп подав хлеб и соль Генералу Низтмову, начал речь, но зарыдал, залился слезами и не мог продолжать. Ударили в барабаны, войска тронулись и пошли к пристани. Не только улицы, площадь, но все окна, крышки домов покрыты были народом, который в излиянии признательности своей забыл на сию минуту, что он такою откровенностью раздражает новых своих властителей (т.е. французов). С балконов сыпались на солдат цветы, иногда печальное молчание прерывалось гласом признательности и благодарности. У пристани, когда солдаты садились на гребные суда, каждый прощался со своим знакомым, просили не забывать друг друга, обнимались и плакали. <...>Я в первый раз увидел и поверил, что Корфиоты имели причину любить Русских, они подлинно без нас остались сиротами. Можно сказать, что Корфиоты и Катарцы были любимыми чадами России, которых мы покоили, берегли и ласкали, ни требуя от них никакого пожертвования.*¹⁷

Именно в этих словах, в этих эмоциях, и заключается квинтэссенция российской экспедиции в Архипелаге и Адриатике. Освобождая местных жителей от тягот и

¹⁶ Павел П. Свинын: «Воспоминания на флоте». Ч. 2. СПб, 1819г. , стр, 233-235.

¹⁷ Владимир Броневский «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина», Спб, стр. 185-186.

повинностей, способствуя их возрождению, российские военные, дипломаты, а вернее, просто сочувствовавшие и сопереживавшие делу греков единоверцы, оказывали посильную помощь и покровительство греческому населению. Это стало логическим звеном в цепи многовековых тесных культурных и духовных связей двух народов и послужило залогом их дальнейшего сближения и взаимодействия в последующие десятилетия, когда встал вопрос об обретении Грецией независимости.